

Услышав вопрос, выражение лица Бянь Янь постепенно окрасилось невыразимой гордостью. Он посмотрел на него, покрутив в руке буддийский амулет, и в такт постукиванию ответил:

— Чи Шу. Учитель Чи.

Услышав это, лицо сидящего напротив слушателя застыло, он на мгновение завис, а затем повысил голос:

— Повтори, кто?

— Чи Шу. Учитель Чи, — Бянь Янь не собирался быть великодушным, левой рукой вытирая прилавок тряпкой, деревянная пластинка мелькала перед глазами собеседника.

Молодому директору Чжо эта деревянная пластинка сейчас показалась крайне раздражающей. Но в нём ещё теплилась искра надежды. Он растерянно моргая, сказал:

— Не может быть. Бянь Сань, не шути со мной. Учитель Чи не принимающая сторона. Вы же оба чисто активные, как это возможно?

— Ах, да? Разве учитель Чи не принимающая сторона? Я не знал, — настроение у Бянь Янь было прекрасное, но на лице он изображал недоумение. — Он мне сам сказал, что принимающая сторона.

Эти слова были крайне дразнящими, от них молодой директор Чжо едва не истёк кровью на месте.

Что это такое? Ради любви стать пассивом? Громила-актив сам себя переделал в пассива?

Молодой директор Чжо, возможно, действительно был потрясён этим фактом, сидел молча и выкурил несколько сигарет подряд.

Вечерний оранжевый свет падал из панорамного окна, освещая его фигуру, делая её особенно одинокой.

Бянь Янь приподнял бровь, больше не обращая на него внимания, быстро скрутил коробку сигарет, перевязал её шпагатом из крафтовой бумаги с ручкой и подвинул на прилавок.

— Чжо Фань, — постучав по столу, Бянь Янь назвал его имя, указав на коробку с сигаретами, — не забудь взять с собой, когда уйдёшь.

Чжо Фань каждый раз, приходя, прихватывал с собой коробку сигарет. За столько лет Бянь Янь уже привык, даже без напоминания сам скручивал ему на дорогу, чтобы не слушать его болтовню, этот шум.

Но на этот раз любитель сигарет Чжо Фань не был так возбуждён, как обычно. Он с обиженным взглядом довольно долго смотрел на Бянь Янь, затем сказал:

— У меня и внешность, и фигура, и даже техника не хуже твоей. Почему же он выбрал тебя? Почему?

Этот вопрос, вероятно, на ближайшие несколько лет войдёт в десятку неразгаданных тайн семьи Чжо.

Услышав это, у Бянь Янь дёрнулось веко, он едва не швырнул в него сигаретой:

— Чжо Фань, заткнись.

— Я же правду говорю, — Чжо Фань был действительно расстроен. Он ещё долго смотрел на деревянную пластинку, и чем больше смотрел, тем больше она его раздражала.

Бянь Янь тоже молчал, не предпринимая ни малейшего действия для утешения, полностью сосредоточившись на скрутке сигарет. Чжо Фань, как один из очень немногих близких ему людей за столько лет, конечно, понимал почему, не винил его, просто чем больше думал, тем больше чувствовал себя ущемлённым.

На любовном фронте он уже много лет не чувствовал себя так ущемлённо.

Чжо Фань раздражённо осушил бокал виски залпом, взял коробку с сигаретами:

— Нет, сейчас вид тебя меня раздражает. Я пойду, давай в ближайшее время не встречаться.

— Хорошо, — без особых эмоций ответил Бянь Янь, даже не подняв головы. — До свидания.

Тон был отстранённым и холодным, совсем не как у старых друзей.

Сказав это, Бянь Янь сам на мгновение замер, поднял взгляд на Чжо Фаня с неопределённым выражением лица.

Он уже собрался что-то сказать, чтобы исправить ситуацию, но тут же был прерван Чжо Фанем.

Чжо Фань махнул рукой:

— Со мной не притворяйся. Тебе должно быть комфортно.

На этом он не стал продолжать, не желая оказывать на Бянь Яня слишком большое давление, но ещё и потому, что его настроение улеглось, и он вспомнил о деле.

— Но, возвращаясь к теме, — Чжо Фань снова сел, держа в руках коробку с сигаретами, — ты правда из-за учителя Чи собираешься заново начать лечение? Что у вас происходит? Я вообще ничего не слышал.

Бянь Янь не ответил сразу, закончил скручивать сигарету в руках и лишь потом медленно произнёс:

— Угу.

Неясно, на какой именно вопрос он ответил.

Увидев его таким, Чжо Фань понял, что тот не хочет говорить подробно.

Но это было не то нежелание говорить, как раньше, с теми мужчинами и женщинами, с которыми он забавлялся, а скорее нежелание говорить из-за желания оберегать сокровище, не позволяя другим прикасаться.

Это было весьма интересно.

— Бянь Сань, — с насмешливой улыбкой Чжо Фань поддразнил его, — у тебя это каменное сердце разве не забилося?

— Чжо Фань, — услышав это, атмосфера вокруг Бянь Яня мгновенно изменилась, он наклонился, опершись на руки, и уставился на него. — Следи за своим языком.

Давно Чжо Фань не видел такого взгляда и не слышал таких угроз от Бянь Яня. Он на мгновение замер, воспоминания из прошлого вернули ему ясность, и он также осознал, что на этот раз всё серьёзно.

Всё всерьёз, нельзя шутить как попало.

Но, так или иначе, Чжо Фань давно вращался в деловых кругах, его было не так-то просто запугать. Он убрал насмешливую улыбку, поднял подбородок:

— Я-то могу, но как ты заставишь замолчать тех людей?

Тут в его глазах промелькнула жёсткость:

— Бянь Янь, Северный город и большой, и маленький одновременно, как быстро распространяются слухи, ты сам знаешь. Те люди, те, кому не нравится, когда у тебя всё хорошо, — как заставить их закрыть рты?

Эти слова словно нажали кнопку остановки времени. Оба молча смотрели друг на друга, скрытое противостояние между ними было невидимо для посторонних.

В памяти Бянь Яня пронеслись картины прошлого, плохое, гнилое и вонючее занимало большую часть.

А Чи Шу увидел лишь верхушку айсберга.

Сердце Бянь Яня внезапно подступило к горлу, он даже начал ощущать лёгкий страх, но долгие годы самоконтроля не позволили этому проявиться.

— Я разберусь, — выражение лица Бянь Яня по-прежнему не изменилось.

Это и не было тем делом, в которое Чжо Фань должен был слишком вмешиваться. Он больше не стал распространяться, пожал плечами:

— У тебя самого есть понимание. Особенно сейчас, когда приближаются те дни, те несколько из семьи Бянь, наверное, снова не удержатся и нанесут удар.

— Уже нанесли, — Бянь Янь усмехнулся, указав на кучу испорченного табака рядом. — Дело, повторяющееся из года в год.

Чжо Фань, нахмурившись, подошёл, присел, взял щепотку и понюхал. Он знал Бянь Яня с детства, когда тот занимался табаком, он тоже немного приобщился, поэтому хорошо знал следы на табаке.

Сырость изнутри наружу — не могла быть естественной влажностью, только человеческий фактор.

Но конкретных способов, как это можно сделать, действительно очень и очень много.

Честно говоря, хотя за столько лет он повидал всякие методы, но, глядя на эту кучу испорченного дорогого табака, Чжо Фань действительно почувствовал прилив ярости.

Для Бянь Янь табак был единственной связью с этим миром. На этот раз те несколько из семьи Бянь перешли все границы.

— Бянь Янь, — опустив взгляд, позвал Чжо Фань. — Ты никогда не думал уехать из Северного города? Год за годом они тебя давят, разве тебе, чёрт возьми, не обидно?

Бянь Янь некоторое время смотрел на кучу табака, в голове не было ни одной мысли. О многом просто нельзя глубоко задумываться: чем больше думаешь, тем больше застреваешь внутри, не можешь выйти и одновременно перекрываешь себе дыхание.

Сам себе создал оковы.

Помолчав некоторое время, Бянь Янь очень механически произнёс ту причину:

— Моя мать здесь. При жизни не смог её защитить, после смерти должен дать ей покой.

* * *

Когда Чи Шу говорил, что занят, это была правда. Проверка и оценка работ после еженедельного теста, различные собрания перед приближающимся месячным экзаменом, а ещё маленькое совещание у начальника отдела Дина из группы по контролю за курением — просто сумасшедшая занятость. Несколько дней подряд он лишь мельком появлялся утром в лавке самокруток, вечером вообще не успевал.

Но когда занят, время летит быстро. Не успел оглянуться, как настал день месячного экзамена. Правило школы Чжижун — учителя не могут наблюдать за экзаменом в своей параллели, поэтому учителя английского языка из группы первого года обучения распределили наблюдать за экзаменом у третьего года.

За исключением первого года, где ещё нет деления на профили, экзамены второго и третьего года проводятся по модели государственного экзамена, английский — последний.

На этот раз Чжижун не объединялся с тремя другими крупными известными школами для совместной разработки экзаменационных листов. Учителя английского языка всех трёх параллелей несколько дней подряд сверхурочно работали, создавая три инновационных варианта, которые были срочно напечатаны только сегодня утром.

Чи Шу, как главный наблюдатель, получая листы, ещё чувствовал остаточное тепло бумаги. Пересчитав и убедившись, что всё правильно, он вместе с помощником наблюдателя поднялся вверх.

Помощник наблюдателя — довольно модно одетая учительница, отношения с Чи Шу довольно хорошие. По дороге не было неловкости, перекинулись несколькими фразами.

Наблюдатели должны прибыть в аудиторию немного раньше студентов, установить глушители сигнала, провести проверку.

Помощник наблюдателя пошла устанавливать глушители, а Чи Шу прошёлся по аудитории, проверяя, очищены ли парты, нет ли на столешницах каких-либо заметок.

После проверки он впустил ожидающих за дверью студентов.

Так как он раньше преподавал у этого выпуска, многие его знали, и немало студентов, заходя,

поздоровались с Чи Шу.

<http://bllate.org/book/15609/1393617>